

КРОВАВЫЙ И НЕПОКОРЁННЫЙ



КРИВОШЕЯ НИКОЛАЙ

Николай Кривошея
Кровавый и непокорённый

«Издательские решения»

Кривошея Н. А.

Кровавый и непокорённый / Н. А. Кривошея — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853390-7

Бродяга — это типичный герой поколения девяностых и нулевых. Сумасшедший мясник, чудовище, способное только причинять боль и страдания. Неокрепшая страна, отсутствие любящей семьи, перспектив в жизни, душили уверенность в светлое будущее. Именно поэтому главный герой окунается в омут холода, жестокости и крови. Несмотря на испытания, несмотря на все его зверства, в душе он остаётся романтиком, который все ещё надеется на возвращение к привычной жизни. Это и не даёт ему сойти с ума.

ISBN 978-5-44-853390-7

© Кривошея Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Кровь и наркотики. Часть I	7
Кровь и наркотики. Часть II	10
Кровь и наркотики. Часть III	15
Драка в Хлебном переулке. Часть I	20
Драка в Хлебном переулке. Часть II	23
Драка в Хлебном переулке. Часть III	25
Долги и честь. Часть I	29
Долги и честь. Часть II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кровавый и непокорённый

Николай Анатольевич Кривошея

© Николай Анатольевич Кривошея, 2017

ISBN 978-5-4485-3390-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Здравствуй, мой дорогой друг, меня зовут Бродяга. Как ты наверняка догадался, я автор этой книги. Не вижу смысла называть тебе моё настоящее имя, потому что я уже и не помню, когда кто-нибудь обращался ко мне, называя меня как-то иначе. Меня зовут так ещё с детского сада. Итак, я уже давно начал завершающий этап своей жизни, и поэтому хочу поделиться с тобой о том, как я прожил свою не простую юность. Родился я в глубокой провинции, которая, не смотря на новое тысячелетие, как и в 90-е продолжала жить бандитской жизнью с разбоями убийствами и прочими «прелестями» прошлых лет. В молодые годы, я сумел объединить и, в последствии, возглавить ребят со своего района. Время шло, ребята стали мне семьёй, и мы стали держать определённые части города в железной хватке. Нам платили магазины, шиномонтажки и предприниматели. Купленные судьи, прокуроры – всё это, конечно, тоже было. С тех лет много воды утекло, но так или иначе, в то время, также, как и сейчас, моё слово пользовалось непререкаемым авторитетом, как в моём городе, так и в других городах области. Меня уважали и со мной считались. Что касается моей семьи, тут всё сложно. Отец погиб, когда мне ещё не было месяца. Остались бабушка и мать, с которыми я никогда особо не ладил и не мог найти общий язык. По большому счёту, их своей семьёй я не считал, как бы грубо и грустно это не звучало. Более близкой моей семьёй были мой дядька, и два его сына, а также меня усыновила улица. Об этих и других событиях и рассказывает моя книга. Сейчас я уже не так молод, как был раньше, наверное, уже можно сказать что я стар, поэтому какие-то моменты вымываются из памяти и их помнишь не в таких подробностях. Но всё же, под усилением воли память начала выдавать моё прошлое, а некоторые моменты даже в мельчайших подробностях. И вот – книга написана. Я постарался сделать свои истории, максимально приближенные к тому, как если бы мы сидели вечером у камина или же прохладной летней ночью на веранде после жаркой баньки. «Седой волк», рассказывает истории из своей жизни знакомому молодому парнишке. А он внимательно слушает, впитывает мой опыт и пытается понять мою философию.

P.S. Я с детства никогда не любил такие понятия как орфография, пунктуация и другие страшные слова, поэтому у меня есть предложение специально для всех тех, у кого с души воротит от ошибок, встречающихся в тексте: закройте книгу и убейтесь с разбега о стену!

Кровь и наркотики. Часть I

Знаешь, я с детства люблю ездить на поездах, просто обожаю. Сел на электричку, желательно у окна, и сидишь, смотришь на пейзажи и мотаешь ногами под сиденьем. Нравятся мне не очень длинные и не очень затяжные поездки – на минут тридцать, сорок. Просто, чтобы переключиться и отвлечься – посмотреть в окно, помечтать о чём-то хорошем и светлом, пытаюсь хотя бы на пару мгновений выбросить из головы то дерьмо, которое происходит в жизни и забыться. Вот и сейчас я решил поехать в деревню к своим родным. Дорога хорошая, живописная, ясная. Несмотря на то, что ландшафт в наших краях исключительно степи, но на моем пути всего было достаточно: и степи, и горы, даже ржаные поля иногда попадаются. Сегодня я встал пораньше, глянул в холодильник, там снова «повесилась мышь», причем уже не первая на этой неделе. Волей не волей, отказавшись от завтрака, я быстро оделся, собрал рюкзак и потихоньку двинул к вокзалу. Потратив минут двадцать пять, тридцать на дорогу пешком, я вдоволь успел насладиться свежестью воздуха после ночного дождя, и немного промочив кроссовки в утренней росе, я, наконец, дошел бодрым шагом до железнодорожного вокзала. Вот и мой поезд, зайдя в вагон, я сел на свободное место, естественно у окна. В вагоне на удивление сегодня было не очень много народу. Поезд тронулся, в окне медленно поплыли цистерны, затем пейзажи уходящего вдаль города, затем снова цистерны. Засмотревшись на неспешно проплывавший лесок, я немного забылся и замечтался. Возможно, я уснул и в итоге не заметил, как на какой-то очередной станции ко мне подсели попутчики. Точнее попутчицы. Это были две женщины. Одна лет сорока, другая чуть постарше. Разговаривать мне с ними особо не хотелось, поэтому я, не поворачиваясь к ним лицом, сделал вид, что я все еще крепко и сладко сплю. Мне хотелось вновь вернуться к пролетающим в окне пейзажам, снова забыться и, возможно, снова уйти в царство Морфея, но, увы, а может быть и к счастью, мне тогда не дали.

«Ну давай, рассказывай, как дела?», – сказала какая-то из подсевших ко мне женщин.

«Да ничего, потихоньку», – ответила другая.

Слушать бабский треп мне ой как не хотелось. Предвосхищая разговоры об их житейских и семейных проблемах, я вновь попытался вернуться глазами в пролетающий в окне лес, а затем поле, а затем снова лес. Но мои попытки в итоге оказались безрезультатными. И я прислушался к их разговору.

«Как твой Славик? Учится?», – спросила одна у другой.

«Ой, учится, ой, учится. На тройки кое-как. Сил уже с ним нет», – посетовала на своё чадо другая.

«Нууу... Пока молодой еще. Ему сейчас охота праздника в жизни, с девочками дружить, по дискотекам ходить», – пыталась не очень умело подбодрить её собеседница.

«Ой, да ну эти дискотеки. Мне мой обормот вот что рассказал на днях, беспредел прям какой-то. Ему недавно пришлось на такси ехать и вот таксист ему предлагал наркотики купить. Ты представляешь!», – чуть ли не криком сказала другая.

«Наркотики! Как наркотики? Какие наркотики? У нас, в нашем захолустье и такое!», – по голосу было слышно, что она была страшно ошарашена.

Закрыв глаза, я молча продолжал слушать. К сожалению, я знал и понимал, о чем шла речь. До меня уже очень давно доходили слухи, что наши таксисты предлагают разную дурь и наркоту, тем, кого они везут. Уже не раз мои друзья рассказывали истории о том, что они настолько распоясались, что предлагали всем подряд, без разбору: школьник ты или старая бабушка пенсионерка. Мы с Владяном, кто это такой я расскажу вам позже, пытались пробить это дело через своих знакомых ребят, кто продает, кто за этим стоит. Это же ведь не может не замечать милиция, все же ведь на виду? Значит работают они под крышей, а, следовательно, у нас как у бандитов появились конкуренты. Но особых успехов мы, увы, не достигли, а эти су...

и как впаривали, так и впаривают. По прошествии некоторого времени мы забили на это дело, думая, что мы то не берем и нормально, а остальные пускай делают что хотят. Увы, теперь-то я понимаю, как сильно мы тогда ошибались. Я продолжал смиренно сидеть у окна и притворяться, что крепко сплю, но мысль о наркотиках никак не давала мне покоя. Картины за окном поезда быстро менялись, колеса отстукивали свой простой и монотонный ритм, но какой-то осадок после услышанного во мне остался. Эти две женщины еще долго беседовали о родственниках, о будущей свадьбе племянника одной из них, а я все смотрел, отвернувшись в окно и думал, а может в то время нам стоило поступить по-другому? Хотя, что мы тогда могли сделать? У меня и у моего друга Владяна не было такой силы, авторитета и власти как сейчас, да и с друзьями ребятами было не все так гладко. Голос громкоговорителя в вагоне объявил 164-й километр. Поезд остановился. Две моих попутчицы спешно заторопились к выходу. Больше ко мне никто не садился. И я остался наедине со своими мыслями. Я готов был снова вернуться в окно поезда, окунуться в пролетающую мимо опушку соснового леса, а за ним и свежескошенного луга, но что-то внутри меня снова и снова возвращало меня в тот самый день, к тому самому разговору, на котором все и закончилось.

«Не знаю, Бродяга, не знаю. Все это как-то странно», – погружённый в глубокие раздумья, сказал Владян.

Разговор был во дворе его не большого двухэтажного дома. Он сидел на старенькой, покосившейся под тяжестью лет лавочке, а я ходил из стороны в сторону. Владян был чуть меньше, чем я ростом, худощавый, но очень жилистый парнишка. Его чёрные волосы были редкие и всегда стояли торчком вверх.

«Что странного, Владян? По-моему, тут как раз все ясно. Эти су... и толкают дурь направо и налево, а толку от наших действий никакого», – в гневе сказал я и ударил кулаком в забор, от чего опиравшиеся на забор грабли и лопаты попадали с сильным грохотом.

«Ну это да, ну избилы мы троих бомбил, а что толку то? Они в больничке полежат и снова за баранку», – ответил мне мой друг.

«Ну это да», – с досадой и горечью ответил я.

«Не этим, думаю, мы занимаемся сейчас, у нас и в нашем районе и городе проблем хватает. То сёдьмовские, то Радмир с ЖДевскими. Да, Бродяга, геморроя у нас хватает», – продолжал мой друг.

Затянулась протяжная пауза. Тишина долбила в уши сильнее чем тяжёлый рок.

«Ну и что ты думаешь? Как район поднимать будем?», – задумываясь о своём будущем и будущем своего района, спросил меня Владян.

«Надо с ЖДевскими вначале порешать, а то они вообще без башни. Да, с ними в первую очередь, а с Жуком и с остальными сёдьмовскими я сам перетру», – выдвинул достаточно конструктивное предложение я.

Мало по малу, целиком и полностью погружившись в пучину воспоминаний, я и не заметил, как мимо, в окне пролетел элеватор, а за ним клуб и почта.

«Ну, вот и приехал», – с предвкушением чего-то хорошего прошептал я.

Невольно отвлекшись от нахлынувших на меня свинцовой волной воспоминаний, которые я не мог просто взять и отбросить в сторону, я осмотрел беглым взглядом вагон. Никого знакомых вроде бы не было. Но увы, воспоминания уже успели плотно засесть у меня в сознании, но все же через несколько мгновений, и они отошли на второй план. Я приехал в свою любимую деревню. Бывал я тут не часто, но при этом мне был знаком каждый уголок, каждый куст, каждая железка, валяющаяся на улице неподалеку. Я встал, перемахнул рюкзак, до этого мирно лежавший напротив меня, через плечо и направился в тамбур. Там я встретил парочку незнакомых мне лиц. Хотя каких незнакомых? Нет. В этом месте все были мне знакомыми и родными, даже если я их не знал. За спиной у меня уже совсем медленно проплыло старенькое здание вокзала и поезд, наконец, остановился. Двери открылись, и мы все как по команде

вышли на перрон из электрички. Лишь только спустившись с последней ступеньки, я сразу почувствовал его. Этот запах, такого запаха нет нигде ни в альпийских лугах, ни на горном Кавказе – это был запах свежести. Был хороший денёк и, бодро подхватив рюкзак, я двинул вперёд за уже уходящим в даль поездом, к дому, где меня уже, наверное, ждали.

Кровь и наркотики. Часть II

Тихонько пошел к дому, пройдя минут пять по тихим деревенским улочкам, от самого вокзала, не встретив ни души, в принципе, меня это ничуть не удивило. Маленькая, глухая деревушка, чего еще можно ждать? Я повернул, наконец, за угол и увидел знакомые до боли ворота из листов алюминия. Пожалуй, я сильно слукавлю если скажу, что Бродяга – это частый гость в этих местах, но всё же с каждым приездом в душе возникает чувство, что я и не уезжал отсюда никогда. Дома моих родных были по левую сторону улицы, второй и третий. Во втором жили дедушка с бабушкой, а за их домом, стоял дом моего дяди, по линии отца, и его семьи, его жены и двух дочек. Я по обыкновению с силой навалился на ручку и открыл дверь в воротах, перед моими глазами открылся до боли знакомый двор. За все года, которые я был здесь, ничего не изменилось. Меня приветливо встретил старенький дом из белого кирпича, который местами уже немного потрескался. Я робко переступил порог и вошёл во двор. Как это обычно бывает во время моих приездов сюда, меня никто не встречал. Ну... Разве что только гуси приветливо размахивали крыльями и крякали от всей души. То ли приветствуя, то ли предупреждая хозяев о визите нежданного гостя. Мне уже и не зачем было задумываться о том, почему всегда меня никто не встречает, я чётко знал, что деревенская жизнь слишком суетная, как говорил Тимур в таких случаях: «даже поссать некогда». Я прошел пару шагов вперед и встал на толстые листы железа, лежавшие по центру двора, окинул взглядом двор. Все было как обычно – по-старому, казалось, что ничего здесь никогда не меняется. Справа от меня стоял старенький гараж, я до сих пор не понимаю, из чего он был сделан, частично из досок, частично из шпал, частично из чего-то мне неизвестного. Из крыши гаража, параллельно земле торчало толстое деревянное бревно, на которое в своё время дед вешал качели, когда я еще приезжал к ним совсем ещё маленький. Внутри самого гаража сиротливо нашел свой последний приют старенький мотоцикл с самодельной люлькой. Дед рассказывал, что он его сам сделал, еще в послевоенные годы, из всего того, что в колхозе нашел. На первый взгляд, казалось, эта рухлядь еще царя видела, но я-то знал, что он еще на ходу. Вот только кончится у деда сено, так он сразу заведет своего верного, железного коня. Чуть поодаль от гаража, в центре двора, занимая почти все свободное место уютного дворика, стоял трактор, по большому счёту, не трудно догадаться, что дед собрал своими руками и его. Дальше, за трактором, в огород, я заходить не стал. Разувшись в веранде, я прошел в дом. Поднялся по ступенькам, открыл железную дверь и прошёл на кухню. На кухне меня встретили дед с бабушкой, называть вам их имена не вижу смысла. Давно они меня не видели. Мы посидели, поговорили, о том, о сём. Ну... Знаешь... Как это часто бывает при встрече родни, они рассказали о своих делах и новостях, я рассказал о своих. Хотя, если по правде мои дела их мало волновали, точнее будет сказать, что они не волновали их вообще, впрочем, как и я сам, но всё же, родня есть родня, какой бы плохой она не была. Какой-то мудрый человек когда-то сказал: «Уважать всех ты не должен, но относиться уважительно обязан – это твоё воспитание». Собственно, я так и поступаю. Нет, нет, я не в коем случае не говорю, что они плохие и всё такое... хотя, с другой стороны, это очень спорный вопрос... но это уже как вы поняли другая и очень длинная история, достойная, наверное, отдельного упоминания этой книге. После запоздалого завтрака на скорую руку, для меня завтрака, для них обеда, я по обыкновению спросил, могу ли я чем-то им помочь по хозяйству. Тут же, как по щучьему велению нашлась работа. Сказать, что её было много это ничего не сказать, её было дофига! Но я ничего, другого и не ждал. Такое случалось, каждый раз, когда я приезжал сюда. Остаток дня пронёсся для меня на одном дыхании: прополи огород, почисти сарай, натаскай воды на кладбище, дай пороссятам, приготовь сено, покорми голубей, сходи за коровами.

В общем, пришёл в себя я только после знатной бани, уже ближе к ночи. Немного попарившись, я вышел из бани и дошёл до скамейки, которая стояла вне двора, то есть по ту сторону забора, на улице. Присел я тут в надежде «отойти» от баньки и от веников, которыми мой дядя Юра любезно «избивал» меня последние минут двадцать и немножечко побалдеть. Минут десять я просидел на лавочке без единого движения, в почти уже полуночной тиши, тупо смотря на забор, который находился по другую сторону дороги. Уже было темно, на часах, наверное, было около одиннадцати или двенадцати часов вечера. По почти уже ночной дороге никто не проходил, ни одна живая душа. Коровы давно разошлись по своим хозяевам на вечернюю дойку, даже кошки не пробегали. Остался только я, один на один со стрекотанием сверчков, возникающими, как будто из не откуда, первых звёзд и блаженной ночной прохладой. Просидел на лавочке у дороги минут десять, все это время я смотрел на забор на противоположной стороне дороги, не отводя глаз. Забор всегда казался меня весьма и весьма странным. Он был слишком уж высокий, даже по деревенским меркам, без единой щелки, весь из дерева. Из-за забора виднелась крыша солидного, длинного особняка. Этот дом был не ровня старым и ветхим покосившимся деревенским домам, окружавшим его. Я знал, кто тут живёт. Это была очень большая семья, то ли цыган, то ли армян. Главу семьи зовут, кажется, Ахмед. Имена его трех жен за давностью лет сейчас я уже и не вспомню, а детей уж тем более. Я не слишком разбирался в этнографии и национальности этой семьи, да мне и дело до них особого не было, живут и пускай живут. Я медленно прикрыл усталые глаза. Стрекотание сверчков резко заглушил донесшийся со станции голос громкоговорителя с вокзала. Затем, минут через пять устало прошёл гружёный товарняк. Я, наверное, просидел с закрытыми глазами, вслушиваясь в тишину и находясь в экстазе от воздуха, места и просто духа, который здесь обитает минут двадцать пять. Да, это именно то место. Место, где я могу отдохнуть морально по-настоящему и набраться сил. Ни одно другое место, ни на каком-либо континенте, ни на какой-либо планете и ни в какой-либо реальности не заменит его. Уверен, что у каждого человека такое место есть, в которое он каждый раз едет с трепетом в душе и с замиранием сердца, а по приезде в такое туда, ликует как мальчишка, получивший на новый год долгожданный подарок. Но вдруг со двора нашего дома послышались шаркающие шаги. Почему-то это не выдержало меня из океана блаженства, в котором моё брэнное тело тогда находилось, я даже не открыл глаза. Я и без зрения мог сказать, кто это был. Скрипнула ручка на двери калитки и массивная железная дверь в воротах с шумом отворилась. Через пару секунд справа от меня на лавочку сел дед. Он что-то резво проговорил, и я ничуть не удивился тому, что я ничего не понял из того, что он сказал. Он говорил с очень сильным украинским акцентом. Хоть он и говорил по-русски, но его акцент сбивал все попытки понять суть его слов. И как правило, любую первую его фразу я не понимал и пропускал мимо ушей.

«Эка ночка сегодня вышла», – сквозь акцент с трудом сумел разобрать я.

«Да, не то слово», – сказал я, не открывая глаз. «Так хорошо, так тихо, спокойно. Век бы сидел тут», – не открывая глаз, продолжал я.

Дед промолчал.

«Знаешь, я вот что заметил», – сразу начал я.

«Мммм», – донеслось в ответ.

«Ты весь день ходишь как тень, весь в себе. Что-то случилось?» – поинтересовался я у старика.

«Да что может случиться, внучок? Да помаленьку всё, помаленьку», – улыбаясь, ответил он.

Но даже не открывая глаз, по одному только его голосу было слышно, что эти позитив и беспечность были наиграны.

«Не, ну я же вижу, что что-то не так», – настаивал я. Я открыл глаза и повернулся к нему лицом.

Так мы препирались минут пять семь. Затем он резко выпрямился, посмотрел на часы и огляделся. Немного помешкав, он сказал:

«Бабка ведать корову подоила уже и сейчас ужин готовит», – многозначительно сказал дед, осматриваясь по сторонам.

«Ну... Наверное, да», – неуверенно протянул я, не совсем понимая к чему он клонит весь этот разговор. Но по правде говоря, я в дневной своей суеде упустил ее из виду и доподлинно не знал, где она и чем занимается.

«В общем, был на днях случай гадкий», – нехотя вымолвил дед, опустив голову.

«Что за случай?», – с нетерпением выпалил я. В голове промелькнула мысль, что что-то тут не чисто, ведь он никогда не говорил о своих проблемах, кому бы то ни было, тем более мне.

«Да как тебе сказать...», – снова нехотя начинал дед, как бы жалея о том, что вообще это разговор начался.

«Есть тут один Ахмед, ну ты его не знаешь», – продолжал дед и исподлобья покосился на высокий забор через дорогу.

«Он отсюда?», – моментально спросил я и кивнул головой на дом через дорогу. В забор именно этого дома я смотрел, не отводя глаз последние минут десять до прихода деда.

«Да уж, отсюда», – с горечью вздохнул дед.

«И чего?», – снова с нетерпением, и почему-то постепенно нарастающей злобой и гневом на этого Ахмеда, переспросил я.

«Ну, повстречались мы с ним на днях, глаза б мои его не видели, ну так помаленьку слово за слово разговорились. Ну он про внучек моих спрашивал. Говорил, что скучно, наверное, им тут. Что он может скрасить им жизнь.» – покраснев и потупив глаза, выдавил из себя дед.

«И каким же образом?», – приподняв бровь от удивления, заинтригованно спросил я.

Даже не зная, кто он такой вообще, мне показалось, что у этого горе ловеласа нет ни единого шанса.

«Ну, он говорил, что есть у него травки всякие, таблетки и порошки. В общем, дрянь вот эта всякая, про которую по телевизору все твердят» – закончил он, обрушив на меня цунами мыслей.

Это было для меня, как гром среди ясного неба, как снег на голову. Я, конечно, мог подумать, что этот чёрт возомнил себя, эдаким, ловеласом и решил так глупо подкатить к моим сёстрам. Но про наркотики я и подумать не мог. Я слышал много историй правдивых и не очень про то, как выходцы из бывших союзных республик, каких именно не трудно догадаться, толкали разную дрянь у нас в городе, да и по области тоже, да и по всей стране. Но почему-то я никак не мог подумать, что это будет здесь, в такой глуши. В большом городе можно было представить похожую ситуацию, но не в деревне. Сразу закралась мысль, что неспроста у них такой забор высокий, значит, им есть что скрывать. Былую благодать как рукой сняло.

«Дед, ну а ты чего?», – яро спросил я, не медленно требуя ответа, при этом говоря тихо, что бы нас никто другой не услышал.

«Швырнул в него вилы, да он, как уж – вывернулся в самый последний момент. Он ведь как-то после этого сказал, что мол «не сейчас так потом, рано или поздно еще встретимся, и вы все ответите за это, вы все кровью захлебнетесь», – с досадой сказал он.

«Мне кажется, я знаю, что это значит», – злостно выпалил я.

Мне казалось, что он каким-то образом хочет подсадить их на это дело. Чтобы его жертвы сами шли к нему за дозой.

«А бабушка знает?», – продолжал расспросы я.

«Нет, конечно», – быстро выпалил дед, оглядываясь по сторонам, – и ведь не мне одному предлагал. Вся деревня уже знает, всей деревне предлагал и шастают к нему всякие... И ночью и днем...», – в его голосе, как мне показалось, начинали проследиваться нотки дикой горести и отчаяния.

«Тут вот еще какое дело, слухи по деревне, конечно, ходят разные. Поговаривают, что у них дома полным-полно оружия. За себя-то я не боюсь, а вот за внучек страшно», – уже окончательно опустившись на дно отчаяния и безысходности закончил дед.

«Ну, слухи слухами, а вот ты же в живую не видел, правда? А наболтать могут что угодно и свои, и чужие», – попытался я немного успокоить и подбодрить деда.

Затянулась долгая пауза, показавшаяся мне бесконечностью. Дед не смотрел на меня, я тоже не отвечал взаимностью. Предметом нашего зрительного изыскания стал высокий деревянный забор. В моей голове крутились мысли, а что вообще в это время может происходить по ту сторону этой высокой преграды.

«Не, ну подожди... – секунду поразмыслив, я сказал – а дяде Серёже ты говорил об этом, Олежке говорил?», – сказал я.

«Да нет, у них там и без нас проблем хватает», – как мне показалось, совсем потеряв надежду, сказал дед.

Вдруг во дворе послышались шаги, только по звуку это были совсем другие. Дед резко выпрямился и приободрился. Отворилась дверь в воротах и со двора на улицу вышла бабушка и пошла в сторону лавочки, где мы сидели. Мы с дедом сидели, держа театральную паузу, глядя при этом друг другу в глаза и думая в этот момент об одном и том же.

«Вы чего это тут? А?», – удивленной ухмылкой сказала она, – я там, значит, наготовила, а они тут сидят, лясы точат. А ну быстро за стол!», – в свойственной только ей манере сказала она. Дед медленно и нехотя встал, не поднимая глаз, покорно подчинился её воле. Я понимал, о чём он думал в этот момент и на самом деле не до еды ему сейчас было, да, впрочем, и мне тоже. Чувство голода, в связи с поступлением новой информации, отошло далеко на второй план.

«А ты чего сидишь? А? Давай, а то остынет всё», – уже разворачиваясь, проговорила бабушка.

«Сейчас, сейчас, иду», – не вставая с лавочки, нехотя пробормотал я. В этот момент тяжелая дума просто сковала мое тело и идти ну абсолютно никак не хотелось.

«Ага, знаю я тебя, умника. Придет он», – возмущенно сказала она.

«Вы идите, я вас догоню», – сказал я, как мне показалось уже куда более убедительнее. Тут вмешался дед: «Все, бабка, не шуми, сказал подойдет, значит, сейчас подойдет».

«Давай, смотри внучек, я уже все наложила», – поворачиваясь, сказала она.

«Ага», – сказал я им в след и с головой окунувшись в мысли о том, как решать создавшуюся ситуацию.

Послышался вновь звук шаркающих сапог, и дедушка с бабушкой неспешно вошли с улицы во двор. И снова я остался один на один с ночью и со своими мыслями. Я, конечно, все понимаю, мелкие споры или недопонимание это одно, но вот прямые угрозы моей семье, это совсем другое, это он зря, это ему дорого обойдется, не на тех напал.

Дорогой друг, ты, наверное, согласишься, что творилось у меня тогда в голове, что я чувствовал в то время, когда над моей семьёй нависла угроза? Я тебе отвечу, что в голове у меня металась только одна мысль звонить или не звонить. Пара секунд на раздумья, и вот рука потянулась в карман. Найдя в записной книжке своего сотового абонента с именем «дядя Сережа», я нажал на трубку. Обычно свои проблемы я решаю всегда сам, без чьей-либо помощи, но сейчас было все иначе, нашей семье угрожали, это были наши общие проблемы. Ситуация была серьезной, если я бы пошел и избил его до полусмерти или порезал его и его корешей, которые, как мне казалось, сто процентов были, этих мер было бы недостаточно. За ними наверняка тоже стояли серьезные люди, ибо такой бизнес не может свободно процветать без позволения сверху и позволения милиции. Поэтому я решил сразу вызывать тяжелую артиллерию в виде своего брата.

Гудок, гудок, еще гудок, потом на том конце трубки раздалось хриплое: «Слушаю. У тебя что-то случилось?».

Мой дядька был на том конце провода.

Секунду помедлив я произнёс: «Здорова, извини, что так поздно. Олег дома? Есть разговор...»

Кровь и наркотики. Часть III

«Слушаю», – раздался грубый, не по годам старый и уверенный мужской голос в трубке телефона.

Это был, мой брат, Олежка.

«Слушай, у нас появились проблемы, нашей семье угрожают», – спокойно сказал я.

Далее я быстро рассказал все то, что поведал мне минуту назад дед.

В ответ послышался хриплый, как всегда спокойный, голос брата: «Ни разу не слышал о таких делах. Тем более у меня под носом. Хорошо, завтра я решу этот вопрос. Этот урод и его козлы зря затеяли эту игру против нас – это им дорого обойдется. Молодец, что не начал ничего предпринимать самостоятельно – это наша общая война, давай, до завтра», – попрощавшись с братом и немного успокоившись, я устало и нехотя побрёл в дом – на ужин.

Сев за стол, я понемногу стал успокаиваться. Я не раз убеждался в том, что если Олежка берется разгребать какие-то дела, даже самые гиблые, то он всегда доводит их до конца. А обращались к нему очень часто и очень много людей. Кого-то, например, с квартирой кинули, кто-то правосудия от властей не может добиться, проблемы разные у людей и никому он не отказывал, каждый раз вынося решение руководствуясь воровскими понятиями и своим личным мнением. В принципе, предсказать исход этой ситуации для меня не было большой проблемой. В памяти всплыли несколько последних случаев, когда определенные люди пытались наехать, угрожать или каким-либо другим образом досаждать моей семье, большинство из них уже лежит в земле сырой. Я знал, что в этот раз все будет точно так же. Будет стрельба и будут жертвы. Жестоко спросишь ты? Да, пожалуй. Но если бы мы не отвечали на угрозы в адрес кого-то из членов нашей семьи или всей нашей семьи в целом, то мы бы никогда не стали теми, кто мы сейчас, и Олежка не стал бы тем, кто он сейчас. Тут даже дело не самой семье и не в ее членах и их количестве, а в отношении к угрозам. Когда тебе угрожают, надо отвечать быстро и жестко, чтобы другим неповадно было. Я полностью согласен с этими мерами, которые мы принимаем в этом случае. Хотя до крови и убийств не всегда доходит. Поверьте, есть и другие пути поквитаться с врагами, а врагов у нашей семьи, да и уже у меня лично, их тоже достаточно. И теперь, появился еще один, в виде целой семьи, толкающей наркоту направо и налево и угрожающей моей родне, в том числе и мне, расправой. После плотного ужина мы разлеглись по кроватям. Но мне, как ты уже могли догадаться, не спалось, деду, наверное, тоже, а Олежке так тем более. Лежа в кровати, я старался представить, чем он сейчас занят. Наверное, вся его братва – вся его армия сейчас у него в доме и обдумывает план действий.

«Снова стрельба или в этот раз что-то иное?», – спрашивал я себя уже не в первый раз за ночь.

Череду мыслей прервали, всплывшие обрывки воспоминаний пятиминутной давности и в памяти снова всплыл наш ужин. Всю трапезу дед просидел хмурый как тень, да и бабушка уже, как мне кажется, тоже начала догадываться, что что-то не так. Она тоже, наверняка, слышала слухи про наркотики, но пока она не знала последних событий, которые знали мы с дедом. Наутро, проснувшись, абсолютно не выспавшись и поняв, что в принципе можно было и не ложиться, я очень долго просидел на кровати покачиваясь в зад и вперед, не в силах встать с неё.

«Наверно, у Олежки уже готов план, пора бы и мне вооружиться», – с большим удивлением для себя проговорил я вслух.

Так уж выходит, что последнюю пару лет я всегда с собой беру оружие, куда бы я не пошёл или же не поехал. Для меня это было вполне обычной мерой предосторожности, учитывая кем был я и где жил. Это путешествие не тоже стало исключением. Да, пожалуй, уже самое время было мне тоже взяться на оружие. Понемногу сползая с высокой на пружинах кровати,

я скользнул рукой под неё и достал свою рюкзак, который был весь в пыли и сразу же бросил его на пол.

«Да уж... Не самое лучше место для хранения вещей», – кое-как прокашливаясь, прикрывая одной рукой рот, а свободной разгоняя пыль, успевшую уже разлететься по всей хоть и не большой комнате.

Наконец борьба с почти полувековой подкроватной пылью была окончена. Моя рука нашарила в одном из карманов рюкзака пистолет ТТ с полным магазином патронов.

«Хм... – протянул я, потирая одной рукой уже давно не бритый подбородок и щёку, – не огонь конечно, но надеюсь, что патронов мне хватит».

Я положил ствол на дно ведра и прикрыл его от любопытных глаз полотенцем. Закончив последние переодевания и приготовления к такому наиинтереснейшему для меня событию как рыбалка, я бодрым шагом вышел на широкую и просторную веранду. Из родных никого дома не было. Пройдя на кухню и раздобыв там ведро для рыбы, нож и прихватив из рюкзака банку кукурузы я уже было двинулся к выходу, навстречу прохладному утру и большой рыбе, но меня остановила мысль, как локомотив ворвавшаяся в мою голову: «А как же завтрак?». Отставив в сторону ведро, удочку и прочие снасти я распахнул дверцу холодильника и чуть ли не целиком засунул в него голову. Передомной предстали яства и вкусности, которые уж точно никогда не окажутся в моём холодильнике. Колбаса, сыры, рыба, молоко – все они как будто кричали мне на перебой: «Съешь меня! Чего же ты смотришь, ведь мы такие вкусные!». Не без усилия поборов соблазн поддаться на их уговоры, всё-таки это был я был в гостях, пускай даже у родственников. Я с силой захлопнул дверцу холодильника и ту же секунду мой взгляд упал на булку чёрного хлеба, одиноко лежащего на столе. Я, отрезав пару ломтиков и, попутно доставая забытую в ведре пустую термкружку, налил в неё крепкого чая. Наконец, положив всё съестное на дно ведра, я вышел во двор. Как я и ожидал, во дворе меня встретила только блаженная утренняя прохлада в перемешку с влажным воздухом.

«И всё-таки как бы жизнь не штормила, глоток раннего утра возвращает к жизни», – сказал я самому себе, стоя на крыльце, и двинулся к речке.

Я шел на рыбалку немного расслабиться после вчерашнего грома среди ясного неба, привести мозги в порядок, обдумать все как следует. Каждый раз, когда мне нужно о чем-то очень глубоко и серьёзно подумать, поразмыслить, я всегда иду на рыбалку и чем быстрее, тем лучше. Этого небольшого времени, как мне тогда казалось, до полудня, должно было хватить, чтобы привести мозги в порядок и продумать все возможные варианты развития событий. Продумать план А, В, С и все последующие. От дома до речки было примерно метров 800, может чуть больше. Вдоль всего русла, речку по обеим сторонам, как будто забором, окружал лес. Казалось, что река протекала внутри небольшого леса. А дальше поле. Половив рыбы и посидев подумав часика 3—4, я засобирался в обратную дорогу. Время близилось к обеду и солнце светило уже высоко. Выйдя на поле, я снова, уже в который раз за сегодня, попытался представить, чем закончится этот день. Брат сказал, что сегодня он решит эту проблему. Я, как спичка, сгорал от нетерпения, и мое сознание снова и снова с жадностью престарелого скряги перебирало различные варианты развития сегодняшних событий. Мне хотелось быстрее узнать, что, он придумал. Не из-за страха, а из-за... Даже не знаю, как это назвать – спортивный интерес что ли. Звонить и тем самым отрывать его от дел, я не хотел – не то время, мог и помешать. Навстречу мне пролетела зеленая десятка, это был Пуд, – так друзья звали лучшего друга моего отца. Я приветливо махнул рукой, он посигналил. Пуд был самым верным и преданным другом моего покойного отца, и я его сильно уважал. Его дом находился неподалеку от домов моих родных. Нельзя было сказать, что дом был совсем уж огромный, но всё же он казался весьма внушительным по сравнению с остальными. Наверное, за сеном поехал или может еще куда. Обратно идти мне предстояло не очень далеко, всё те же метров 800. Погода была в принципе

не плохая, солнце не припекало, но и холод не ощущался. Настроение было отличное. Улов резво плескался в ведре, как бы намекая мне выпустить их, но что сделано, то сделано.

Так, мало по малу, перекинув удочки через плечо, держа рыбу в ведре, я все ближе и ближе подходил к дому. Поднявшись в горку, я вышел на свою улицу. Пройдя дом дядьки и дойдя до лавочки, на которой я сидел вчера, я машинально присел, положив удочки и поставив ведро перед собой, при этом искоса поглядывая на тот самый дом. Ещё при подходе к нему до меня начали доноситься крики и смех. Однозначно у них был какой-то праздник. Сидя на лавочке, я навскидку подсчитал по голосам количество веселившихся там людей – их было еще больше, чем мне показалось раньше – человек 50. В голове сразу же пронеслась мысль: «мол ничего, ничего недолго музыка у вас играть будет, и на нашей улице будет праздник». Я просидел на лавочке минут десять, рассматривая улов. Рыбы в реке с каждым годом становилось все меньше и меньше. Но вдруг мое внимание привлек громкий гул мотора, раздававшийся неподалеку. Я посмотрел налево, направо – никого. Звук подъезжающего автомобиля был совсем близко. Меня это как-то насторожило, по звуку это был двигатель большого объема, больше трех литров, предположил я. И почти угадал – через несколько секунд из-за угла, справа от меня выплыл Гелентваген, черный, полностью тонированный и без номеров. Тут я насторожился еще больше. Откуда, а главное у кого в такой глуши гелик? Показалась только передняя половина кузова. Машина остановилась так, будто тайком выглядывала из-за угла улицы. Так он простоял минуту или две. В глубине души у меня закралась мысль, а что, если это всё как-то связано с Ахмедом и с его планами на месть, которую он обещал устроить мне и моей семье. Я продолжал сидеть на лавочке, делая вид что дико увлечён уловом, а сам каждые пол минуты незаметно присматривая за машиной, но Гелентваген так и продолжал стоять у самого первого дома в этой улице. Я снова предположил, а что если это за мной? Ну, а что? Рано или поздно все равно порежут или пристрелят, я не встану с лавочки и не убегу, – я не трус. Будучи фаталистом от головы до ног, я считал, что, если мне суждено сегодня умереть – наверное так тому и быть, но это ещё не значит, что я не буду яростно сражаться за свою жизнь до последнего вздоха. Если это за мной, умирать надо с честью. В последнее время я был очень вымотан морально. Драки, постоянное нарушение закона, стрельба и постоянный риск накладывали свои отпечатки на моё психическое состояние – месяц выдался тот ещё. Можно было сказать, что я уже был готов к самому плохому исходу, к белому тоннелю в конце пути, ведь я так много раз был, как говорится «на волоске». Я от кого-то слышал, что у людей, прошедших войну, например, Чечню или Афганистан, чувство понимания того, что их могут убить «потихоньку», притупляется. И зачастую многие люди, прошедшие войну и не раз рисковавшие своими жизнями на полях ожесточённых боевых сражений, погибают на гражданке, в нашем, обычном мире, например, в какой-нибудь банальной неравной дворовой драке. Исходя из моего опыта, могу с уверенностью сказать, что я из их числа. Постоянные игры в кости с судьбой, с богом или с самим чёртом на мою жизнь абсолютно притупили моё чувство самосохранения. Я без какого-либо страха лез в неравные драки, защищая свою честь и авторитет, или честь своего района. И вдруг мой порыв мысли прервал дикий рёв двигателя. Гелентваген сорвался с места и, не прекращая наращивать скорость, как будто он был на гоночном треке, понесся дальше по нашей улице, прямо в мою сторону, оставляя за собой огромные пылевые вихри. Моя рука быстро рванула к ведру и нащупала холодный ствол, прикрытый полотенцем. В следующее мгновение пистолет был снят с предохранителя и нацелен на автомобиль. Машина продолжала лететь по укатанной дороге в мою сторону. Слева от лавочки стоял высоковольтный столб линии электропередач, и я рефлекторно встал за него прижавшись к нему грудью, дабы загородить им хотя бы малую часть своего брэнного тела. Гелентваген уже давно был на прицеле и оставалось только ждать, пока он подъедет ближе. Забежать во двор времени абсолютно не было, да и не хотел я убежать. Следя за летящим по не асфальтированной дороге, внедорожником, я все же продолжал размышлять только над

одним, мучившим меня в то время, вопросом – это свои или чужие, и я больше всего склонялся ко второму. Машина уже была в паре метров от меня, мои мысли металась между тем, чтобы открыть огонь первым или нет. Я крепче сжал пистолет и взял на мушку водительское окно, готовый в любую секунду без раздумий нажать на курок. Но, к моему не малому удивлению, тонированный автомобиль пронёсся мимо меня на скорости больше ста, как спирт по прериям, заглушая звуки и крики радости толпы, которая веселившихся сейчас во дворе у Ахмеда, и дуло моего пистолета так же стремительно проводило его. Я ожидал, что в тот момент, когда автомобиль поравняется со мной, опустятся стекла, и в меня грянет очередь из всех стволов, но этого не произошло. Вдруг машина резко начала тормозить в метров пяти от меня, рядом с забором Ахмеда, максимально близко к тому месту, откуда доносились тосты смех и говор на каком-то восточном языке, которого разумеется я не знал. Джип окончательно затормозил, встав ко мне багажником. Отойдя от столба, я вышел на дорогу с интересом наблюдая, что же будет дальше, но всё же, не опуская оружия и не снимая гелик с прицела. С правой стороны пассажирского сиденья опустилось стекло и показалась рука, ее пальцы что-то сжимали, в ту же секунду через забор перелетели какие-то два маленьких шарика, один за другим. Автомобиль резко дал по газам. Я не смог сразу рассмотреть, что именно это было, но через пару секунд я понял, что к чему. Оглушительный грохот заглушил и шум толпы, и восточный говор. Огромный, коричнево-красный столп земли в перемешку с кровью поднялся в небо. В высоту он был намного, намного выше самого забора. У меня резко зазвенело в ушах, я прикрыл их руками и немного согнулся. Через какое-то мгновение в небо взмылся второй, теперь уже земляной столб. Ударная волна, в очередной раз, взъерошила мне волосы, а грохот уже второй раз раздавил мне барабанные перепонки. Я смотрел в сторону, в которую ехал гелентваген, но его уже там не было. Как можно быстрее я подбежал к забору, попытался заглянуть через него или что-то услышать, благо звон в ушах понемногу стал стихать. Передо мной предстала одна из самых ужасных картин, которую я видел в своей жизни. Наверное, такие воспоминания никогда не забываются. Во дворе стоял стол, на нем, рядом с ним и даже вдалеке, на земле лежали окровавленные тела людей, у которых еще пять минут назад был праздник. Кровь лилась ручьями, которые просачивались между стульев и ножками столов и всё ближе и ближе приближались к забору. Большинство из людей были нарядно одеты – солидные мужчины в красивых, дорогих и пафосных костюмах. Почти все лежали на земле, окропленные своей и чужой кровью. Убийственное сочетание красоты и ужаса в одном флаконе. Один из празднующих в белом костюме корчился на земле от боли и дико кричал, держась за окровавленную руку. Другой, лежащий рядом с ним, держался за живот и тоже что-то истошно вопил. Другие мужчины и парни лежали в перемешку друг на друге, кто-то в сознании кто-то нет. Звон в ушах уже совсем сошел на нет, но на его место стали приходиться крики и стоны людей. Я отпрянул от забора. В голову, с дурью локомотива, ломилась только одна единственная мысль. Какой бы жестокой не была месть, но всё равно им срочно нужен доктор! Через пару мгновений вспомнив, где же в деревне всё-таки может быть врач. Спрятав пистолет за пазуху, я сломя голову побежал на ж/д станцию. Мне показалось это вполне разумным, потому что там всегда должен быть фельдшер. Не успев добежать до конца улицы – до того места, где в первый раз показался гелентваген, я увидел завораживающую буханку – это была карета скорой помощи. И до самого вечера врачи вывозили людей и оказывали им помощь. Ближе к вечеру все начало стихать. Но вся деревня пребывала в диком шоке, оказывается, у Ахмеда был день рождения, к нему приехали гости и родственники. Возле их большого дома до поздней ночи толпился народ. Свидетелей почти не было. Было человека три, четыре, но это были женщины, и когда участковый их опрашивал, на какой машине они были, они путались. Кто-то говорил, что это была тайота, кто-то утверждал, что это, вообще, была легковушка. В общем, ничего вразумительного, как и ничего общего с правдой. Может быть кто-то, кроме меня, что-то и видел, как оно было на самом деле, но никто ничего даже близко похожего на правду не говорил. Скорее

всего, дело тут было в банальном страхе. После того, как я повстречался с буханкой, я вернулся на лавочку. Забрал улов и пошел домой, и налил себе чая. Люблю чай. Разум уже полностью вернулся, я, конечно же, понял, что это был Олег или его люди. Тут даже к гадалке не ходи. Это его стиль – огонь, пули и гнев божий. Кто бы там не был в машине, думаю, они вначале заехали в больничку. Потому что так быстро скорая подъехать не может. Дорогой друг, ты меня, наверное, спросишь, какие чувства я испытывал к тем людям, которые пострадали и были изувечены в этот день. Что ж я тебе отвечу, что абсолютно никаких. Да, именно никаких. Жаль мне их уж точно не было, но в то же время злорадства я тоже не испытывал. Эти люди просто получили по заслугам. Пожалуй, мой образ жизни и события, которые происходили в моей жизни и так или иначе влияли на меня, сделали меня чёрствым, грубым и очень жестоким. Однозначно, это факт. Этим вечером мы не переговаривались с дедом, в отличие от остальных наших родных, да и всей деревни в целом. Мне казалось, что он с одной стороны злится на меня за то, что я позвонил брату, но с другой стороны, мне кажется, он понимал, что иначе эту проблему решить никак нельзя. Наверное, многим просто могло показаться, что мы слишком подавлены и устали от столь внезапных событий. К моему удивлению, этой ночью мой сон ничто не тревожило – ни сны, ни кошмары, которые мучали меня уже долгое время, но несмотря на то, что мне ничего не снилось, я не плохо выспался. Наутро, как и планировал, я засобирался домой. Хоть меня и оставляли еще погостить, но я отбрехался тем, что якобы у меня много дел и всё такое, и поминай меня как звали. Напоследок я кивнул деду, ответив мне тем же, мы друг друга поняли без слов. Выйдя на улицу я снова, как бы случайно обернулся и окинул взглядом тот самый дом. Могло показаться, что со вчерашнего дня совсем ничего не изменилось: тот же забор, те же кусты, та же машина, стоящая у ворот дома Ахмеда, но что-то выдавало всё ещё напряжённую атмосферу. И этим «что-то» была тишина. Действительно, проходя проулок за проулком, я не услышал ни лая собак, ни гула мотоциклов, частенько проезжающих по деревенским проулкам, абсолютно ничего. Дойдя до здания деревенского вокзала, я снова сел на мою любимую электричку и поехал теперь уже в обратную сторону. И только проезжая элеватор, я вспомнил разговор тех двух женщин в поезде, когда я ехал в деревню. А ведь это могли быть именно те люди, про которых они говорили. Это могли быть именно те люди, которые поставляли наркотики по городам области. Ведь глухая деревня это одно из самых удобных мест, для того чтобы заниматься не только наркотиками, а вообще какой-либо тайной деятельностью, – место глухое, никому до тебя нет дела, деревенские жители с головой погружены в работу по хозяйству, лучше не придумашь. Так или иначе, теперь уже это выяснить наврядли как-то можно. Думаю, что, не смотря на все яростные кровопролития, сегодня мы поступили правильно.

Теперь уже прошло несколько десятков лет, и я снова здесь. И все тут по-старому, тот же свежий воздух, та же деревня, те же дома, те же люди, вот только Ахмед со своей семьей не живет. Их дом изрядно покосился и потрескался. Там с того времени никто не живет.

Драка в Хлебном переулке. Часть I

Бегу, опять бегу. Пробегаю фонарь за фонарем. Как же режет в бок. Да... Не раз я говорил себе, что бег это не мое. Стоп, какой это был фонарь, третий или пятый, а какой это был проулочек? Черт, надо меньше думать, о боли и не отвлекаться от бега. Фонари пролетали по левое плечо от меня, словно я ехал на знакомой до боли машине по ночному городу. Пролетали они быстро, один за другим, казалось, фонари слились в один сплошной поток света, как будто не было между ними той черной, непроглядной, унылой темноты. Оставались за спиной дома, знакомые и не очень.

«Так, Бродяга, очнись», – в слух сказал я себе.

Быстро приведя себя в чувства и выдернув самого себя железной десницей разума из мира волшебных, безлюдных, ночных улиц, я наспех припомнил какой по счету это был проулочек и понял, что бежать еще далеко. Главное успеть, успеть! Я машинально сунул руку в карман. Я знал, что ОН там, и что его «меньший брат-близнец» находится ниже, в носке. Не знаю, почему я это сделал, может быть привычка, но это придало мне сил. Я сжал рукоять ножа, почувствовал, как кровь прилила к давно замерзшим пальцам рук. Невольно промелькнула мысль, что он то не подведет, только не сегодня, только не сейчас. Двадцатый столб и улица Муса Джалиля пронеслась справа от меня. И снова я ускоряют темп. Я должен, я должен успеть. Ведь не может быть такого, что я опоздаю.

«Ничего. Он сильный, умный и смелый, он потянет время, он продержится», – говорю я сам себе, пытаюсь отбросить нарастающую в душе тревогу.

Пробегая очередной фонарь, я невольно запрокинул голову и посмотрел на лампочку. Его свет, на удивление мне, не бил в глаза и был приятен, как угольки костра, который мы так часто разводили с Тимуром сидя на природе на берегу реки, забрасывая удочки в речку и разговаривая о жизни. Но вновь теплые чувства сметает лавина тревоги, тревоги за друга. Я должен успеть. Еще прибавляю гон. Бегу так, как будто меня подстерегают плети самого черта. Бок снова дает о себе знать. Пробегаю светофор, ночью, он горит желтым, предупреждая водителей от опасностей. Я тоже попытался внять его совету.

«Так, мне нужен план! – сказал я самому себе, – ведь будет очень глупо, если я вот так просто, ни с того и ни с сего заявлюсь и скажу тем уродам. Ай-яй-яй, уже очень поздно оставьте моего друга в покое и расходитесь по домам. Бред».

Надо начинать мыслить трезво и расчетливо. Да какой расчет, когда я на ногах еле стою, пробежав полгорода, мне меньше всего хотелось сейчас утруждать себя умственной работой, но последним усилием разума мне удалось собраться и привести себя в чувства.

«Бродяга, тебе нужен план, причем хороший, и он должен сработать как часы, иначе тебе и Тимуру хана. Вас не то что избьют... Вас могут просто забить насмерть. Так. Хватит еще больше усугублять ситуацию. Мне сейчас еще страха не хватало!», – мысли о том, что лучший мой друг в беде, помогли мне собраться.

Очередной фонарь пролетел лишь немного, жадно разлив на меня свой и без того тусклый свет. Мне нужен план, вновь сказал я самому себе, уже более уверенно, не так как в первый раз. Что помогало выиграть неравный бой великим полководцам? Эффект неожиданности! Ну конечно! Хотя нет... Какой эффект неожиданности? Я что Зорро, или человек невидимка? Но, пробегая еще два проулочка, я понял, что мозг мой окончательно закрылся для новых идей. Немного прикинув и обрисовав ситуацию, которая меня ждет, я понял, что это будет тяжело.

«Ну вот смотри Бродяга», – сказал я себе мысленно.

Нас двое, их пятеро, м-да не лучший расклад. И ведь я даже не знаю, с чем они пришли. Пистолет? Ну не, даже мне его было довольно сложно достать. Нож? Возможно, хотя и маловероятно. На памяти, кроме меня, очень небольшое количество людей, предпочитавших нож

в драке. И они бы никогда не пошли бы против Тимура или меня. Тогда что остается? Что остается? Биты и кастеты, хм... Это весьма и, весьма вероятно. Так... Ну что, хотя бы определился с возможным оружием противника. И рука снова невольно потянулась в карман проверить на месте ли он. Да... Он тут... Здоровенный кухонный, разделочный нож был на месте. А его «младший брат-близнец»? Я прислушался к ощущениям в ногах. Последние два километра ноги меня уже не слушались. Они бежали на автомате. Но среди этого болота ощущений и чувств, я смог уловить, смог найти то самое. Носок на левой ноге тянул вниз к земле груз. И я понял, что «младший брат» тоже на месте. Чем дальше я бежал, чем чаще посещала меня мысль. Что я буду делать, когда добегу? Как мне застать их врасплох? В итоге, я решил на подходе к последнему нужному мне проулку, он назывался Хлебный переулок, сбавить темп и просто прислушаться, и ждать. Ждать нужного момента, момента, когда удачнее всего будет ударить как гром и исчезнуть, как дым. Но сейчас главное успеть, лишь бы с другом ничего не случилось. На автомате вспомнился его голос Тимура в телефонной трубке. Казалось, это было тысячу лет назад, но на самом деле прошло около часа тому назад.

«Бродяга, ты сейчас в городе?», – услышал я, нажав на кнопку на сотовом телефоне.

«Да», – сонно ответил я.

«Выручай, братан, я в беде», – послышался звучный и серьёзный голос Тимура.

«Где ты? Что случилось?» Вереница возможных вариантов событий пронеслась передо мной как сапсан, летящий на всех парах из белокаменной в Петроград. Может быть попал в аварию? Да нет, он аккуратно водит, даже по пьяне едет не больше пятидесяти. Может с родителями чего? Дядя Ренат, и тетя Гуля были для меня второй семьей, при почти отсутствующей первой. И снова тихий голос Тимура обрывает вереницу моих мыслей:

«Да тут какие-то уроды наехали на меня»

«Кто такие?», – вставая с кресла, сказал я.

«Да я не знаю, какие-то пацаны, на Седьмовке я их ни разу не видал. С Медного может, давай, Бродяга, пока часть из них отошла в магзик, я тебе сразу звонить.»

«Ты где? Я уже бегу», – вылетая на порог дома и одной рукой, одевая кроссовки, крикнул я.

«Я в проулке возле, как к хлебзику идти, ты главное...», – голос моего друга неожиданно оборвался.

Я наивно крикнул в трубку: «Я уже в пути».

Метнулся на кухню за ножами. Побежал. И вот, плотную сеть моих воспоминаний часового прошлого прерывает последний фонарь, показавшийся в дали. Я добежал, но успел ли я? Пытаясь разглядеть, что там в дали, я стал замечать очертания магазинов. Какая-то машина стояла рядом с соседним магазином, в холодно-зеленом свете светодиодной ленты я уловил очертания вазовской девятки и начал сбавлять темп. Мне нужно было отдышаться, восстановить дыхание, ибо в таком состоянии боец я не важнецкий. Я остановился, не доходя до места, которое освещал последний фонарь, для того, чтобы мой план сработал, мне нужно было оставаться незамеченным. Итак, что я услышал в этот момент? Три голоса, один из которых был Тимура. Огромный валун, скатившись с пика моих душевных тревог, рухнул в бездну небытия. Хорошо, что живой, значит успел. Но голоса только три, один из которых был голосом моего друга, тогда где еще трое? Надо подойти ближе, но как только я начал движение в сторону к фонарю, понял, что это невозможно. Дело в том, что моя тень предательски выдавала меня. Фонарь светил бы мне четко в спину, и моя тень показалась бы из-за поворота. Эх... Волна обиды и досады накатила на меня в этот момент. Знал бы я раньше, что этот фонарь сыграет со мной такую злую шутку, разбил бы его ко всем чертям. Вернувшись в сумрак ночи, я вновь я попытался прислушаться. Теперь слышались новые голоса, теперь картина соответствовала сказанному Тимуром по телефону. Он один, их пятеро. Мне нужно было подобраться ближе, но как? Просто пройти мимо как случайный прохожий? Ага, ночью в три часа? Не,

это не вариант. Тогда как быть? Пытаясь впихнуть в свой мозг хоть какую-то идею, я оперся на забор. Точно, забор!

Драка в Хлебном переулке. Часть II

Ё-ма-ё, но кто тут живет? Голос внутри меня дал мне вполне ясную подсказку – да мне пофиг кто там живет, когда твой лучший друг в беде. Осмотрев забор с подозрением, я понял, что перебраться, причем, бесшумно будет крайне сложно. Но другие варианты просто не шли в голову, да и осмысляя это событие сегодня, я прихожу к выводу, что их тогда и не могло быть. Но как пересечь бесшумно? Надо отойти подальше, перелезть, затем вернуться на это место уже по другую сторону забора. Сказано сделано, осторожным шагом, рассекая ночной воздух, как ладья викингов на волнах, соблюдая ночную тишину, я поплыл в направлении противоположном от фонаря. Голоса потихоньку стихали. Думаю, что мне удалось отойти на достаточное расстояние. Я исподлобья покосился на забор. Деревянные доски вздымались на два метра, может два с половиной метра вверх. В принципе это не выглядело проблемой для меня. Еще не был забыт тот опыт, который передал нам Алексеич перед поездкой на военные сборы, да и вовремя их. Умело перемахнув через забор, я приземлился на что-то мягкое. Газон, вначале подумал я, так оно и вышло. Я прислушался ночную тишину – издали издавались голоса, и не большое гудение – это трансформаторная будка. И тут мое и без того напряженное сознание разрешила отрезвляющая мысль. А к кому я вообще залез? И есть ли у них собака в конце концов? Не дай бог такой же медвежоподобный алабай как у моего дядьки, если это так, мои шансы выжить этой ночью намного ниже, чем у моего друга, которого я отправился спасать. Хозяев дома я не знал, света в окнах не было, это даже и к лучшему. Еще раз прислушавшись и предположив, что если бы собака и была, то, наверное, она меня уже бы учуяла, и хоть как-то проявила бы себя, и окончательно отбросив эту мысль, я сдвинулся с места. Как лихой мастер-ниндзя я пытался пробираться по чужому участку, наткаясь, то на какие-то грабли, то на острый секатор, наткнувшись на который я сильно разодрал ногу, попутно шёпотом обложив девятиэтажным матом всех тех уродов, из-за которых я оказался здесь. Окончательно успокоив дыхание после более часового бега по ночному городу, я, наконец, подошел к забору. Находясь там, я уже отчетливо слышал голоса и понимал, что опасность другу пока грозит не так ярко и у меня всё же есть время обдумать ситуацию. Я медленно пополз через малину к краю забора. Ну эти гады мне еще ответят на расцарапанные руки, ноги и лицо. Особенно тот, с писклявомажорным голосом. Лежу, слушаю.

«Ты мне можешь нормально объяснить, почему я не могу ходить по своему городу?», – спокойно произнёс Тимур.

«Да потому что. Потому что ты нам должен!», – быдловатый голос разрезал тишину.

Послышалась девятиэтажная ругать в сторону моего друга.

«Да потому что ты нам должен и все.»

«И ты думаешь, что я поверю в тот бред, который мне наплёл тут. И убери свою биту, думаешь меня на понт взять?», – так же спокойно сказал Тимур.

Распираемый гордостью за лучшего друга, я лежал в кустах малины или крапивы, фиг поймёшь, не шелохнувшись. Через щель в заборе я прекрасно мог разглядеть биту, на лаковом покрытии которой отчётливо переливался лунный свет. Сделав инвентаризацию вражеского оружия, я понял, что если бы тот алабай был на нашей стороне, то было бы куда лучше. «Соберись Бродяга», – сказал я себе. У них один нож, две биты. Что у двух других я не знаю, сложно было разглядеть – стоят спиной, уроды. Не робей, не робей, прорвемся. Бояться, я их не боялся, вот только помирать, оставляя людей, которые мне дороги, как-то не очень.

«Ты не получишь от меня ни копейки», – это снова был Тимур.

Он развернулся и свет фонаря, наконец, осветил его окровавленное лицо. Лицо заплыло от ударов, с виска стекали капли крови. Его белая футболка была разрисована кровавым графити. Рукой он держался за бок. Ребра, сразу подумал я. Эти гады переломали ему ребра!

Водопад гнева и ярости обрушился на моё сознание. Мне хотелось проломить забор и прирезать их всех, как последних свиней. Я вынул из кармана нож, волны гнева перекатывались внутри меня как вода в океане. Я еще крепче сжал рукоятку ножа, кончики пальцев, обхватив рукоять, впились в ладонь, пошла кровь. Адреналин шкалил. Я уже давно позабыл, что нахожусь во дворе чужого дома, и возможно в нескольких метрах от меня мирно посапывает какая-нибудь московская сторожевая. Надо было действовать, но как? Ведь он, бедняга, даже не знает, что я тут. Я судорожно думал, как изловчиться и известить его о своем присутствии. Я бегло оглядел местность, где лежал, но ничего кроме колючих кустов я не увидел. Левой рукой от безысходности я скользнул в карман джинсов, в руки попали ключи, а с ними брелок со светодиодом, подаренный мне на день рождения моим дядькой. Это могло сработать. Снова взглянув в щель, убедившись, что все «враги» стоят спиной, я мигнул светодиодом, одновременно глядя на реакцию моего друга. Ничего, наверное, не заметил – сказал я себе. Мигнул ещё раз и ещё раз, вдруг я заметил, что его взгляд переменялся, он уже не смотрел прямо в глаза своему обидчику, а старался незаметно коситься в сторону забора. Я судорожно замигал светодиодом три раза, Тимур в ответ щёлкнул пальцами тоже три раза, как бы случайно. Я понял, что он догадался, что я здесь.

Тут снова послышался мерзкий, противный пискляво-завышенный голос: «Сокол, чего ты ждёшь, забивай его и отваливаем».

Драка в Хлебном переулке. Часть III

Дальше я уже почти не слушал. Я понял, что вот она развязка, вон он конец. Фигуры расставлены. Гамбит уже разыгран.

Я еще раз осмотрелся, краем уха услышав о том, как Тимур отвечал ему: «Подожди, подожди ну... Ладно... Давай договоримся».

В любой другой ситуации, я бы воспринял это как то, что друга сломали. Но только не сейчас. Сейчас я понимал, что он просто напросто тянет время, давая мне возможность продумать свой ход.

«Ну могу я взять деньги у бати, у друзей», – медленно, растягивая слова с весьма наигранной неохотой, проговорил Тимур.

«Ха! Сокол, зашибись! Завтра, если денег не будет, то мы тебя будем мурыжить намного жёстче чем сейчас. Мы тебе ушиотрежем, только и всего», – угроза представлялось вполне реальной.

Во время этой фразы я по-пластунски, на пузе, пересекал кусты крапивы. О да! Оказывается, это не малина была, а, мать её, крапива! В очередной раз матеря с ног до головы тех уродов, из-за которых я тут, вылез из кустов, быстро осмотрелся. Мне надо было как-то быстро пересечь этот забор. Можно было просто перепрыгнуть, но тогда будет потерян эффект неожиданности. Мысли метались в моей голове как мыши в газовой камере. Тимур не мог тянуть ситуацию бесконечно долго. На глаза мне попался холмик, да ё-ма-ё, это же куча гравия! Пока я лежал в кустах крапивы, эта куча лежала в полуметре от меня, справа. Это будет мой трамплин, подумал я. Давай Тимур, теперь ход за тобой. Снова подойдя тихонько к забору и прислушавшись в ночную тишь, я снова услышал его голос.

«Ну тысяч двадцать, могу принести завтра остальное на следующей неделе».

«Круто... А ты мажорик...», – пропищал противный голос.

«Да, все они мажорики – когда очко играет!», – дикий хохот разорвал тишину, голос последнего был не знаком мне, наверное, это был кто-то из тех трех оставшихся.

«Деньги ты нам так и так принесёшь, ну а, чтобы не опаздывал, мы тебя напоследок немного ускорим», – сказал Сокол.

Глядя в щель, я увидел, что Сокол двинулся в сторону Тимура. Я понял или сейчас, или никогда.

«Бродя-я-яга-а!!!», – я услышал крик своего друга.

Это он, это сигнал. В лезвии ножа отразилась полная луна. Сжав рукоять ещё крепче, я взлетел на кучу гравия. К сожалению, я не видел, куда именно мне придётся приземляться, после последней фразы расстановка фигур «на шахматной доске», как мне тогда показалось, существенно поменялась. Тело моё возвышалось над забором и над теми людьми, что были в Хлебном переулке. Ни секунды не медлив, тем самым, не теряя элемента неожиданности, левой ногой я опёрся на забор и прыгнул, заводя нож в боевое положение. Глаза тех людей, над которыми я возвышался, я не видел, но могу поклясться, что такого они не ожидали. Готов поспорить на что угодно, что их десять глаз были похожи на глаза газели, которая в самый последний момент увидела подкрадывающегося гепарда. Приземлившись за спиной у одной из этих тварей, мой нож сверкнул в темноте и вошёл по рукоять в рёбра парнишке в клетчатой рубашке. Дикий крик разорвал ночную тишину и мои барабанные перепонки. Оттолкнув от себя тело, яростно корчащееся в судорогах от боли.

«Вале-е-ера-а-а!», – истошно заорал ещё один стоящий рядом.

Боковым зрением заметил, что Тимурик тоже не скучал. В то время, когда я расправлялся с первым «животным», Тимур, воспользовавшись моментом от всей души жажнул ногой в живот гада, стоящего рядом с, как мне показалось с Соколом и выбил у него битую. Разворот

и удар в голову. Раздался пискливый-мажорный стон. Я машинально обернулся в сторону кричащего, теперь я увидел, кто это был и узнал этот голос. Тот самый пискляво-завышенный. Его окровавленное лицо запомнилось до сих пор, до сих пор! Как фотография. И тут удар, ещё удар, уже в мою сторону. Предположительно от парнишки, прокричавшего имя своего поверженного друга. На секунду я потерялся, немного потемнело в глазах. Придя в следующую секунду в чувства, открываю глаза и тут ещё удар по печени. Согнувшись в три погибели от боли. Я хотел было попятиться назад, на автопилоте. Но решил попробовать неожиданный ход, в согнутом положении резко двинувшись вперёд, на удивление своему сопернику. Раскинув руки, как статуя Христа в Рио, я, не разгибаясь, прыгнул на парнишку. Мой план бы удался, если бы не одно НО. И это НО было весьма весомым, примерно как удар битой по моему хребту. Моё тело резко сменило первоначальную траекторию – сложилось как старая раскладушка и начало заваливаться, я вскрикнул от резкой боли в спине и шее. Моё туловище предательски завалилось как мешок с картошкой в ноги к моему врагу. Понимая, что моя небольшая хитрость потерпела фиаско, используя последних шанс я, оттолкнувшись от земли, расслабил тело и завалился к нему в ноги.

«Бродяга!», – услышал я справа, я знал, кто это был, в его голосе были нотки волнения за своего друга.

Но все это было не просто так, в момент унижительно падения, мне удалось обхватить его ноги и снова нож вошёл по рукоять, теперь уже в ногу другому противнику. Его крик перекрыла боль от очередного удара по моей спине. О, да, это снова была бита. Хорошо, что хоть не нож, но от этой мысли меньше боли не стало. Очередной удар был в шею от поверженного мною соперника. Он упал, корчась от боли, а я получил очередной удар в ключицу. В это время Тимур махал отвоеванной битой, как донской казак шашкой. Сокол, так и не пришедший в себя после душераздирающего вопля своего компаньона пропускал удар за ударом. Голова, шея, руки – бита работала на ура. Истошные крики один за одним прорезали ночную тишину. Нас наверняка должны были услышать. Возможно, уже сейчас летит милицейская буханка по дороге, вдоль которой я бежал пятнадцать минут назад. Я резко развернулся на спину и увидел надомной парнишку, державшего биту. Замах. Мимо. Я успел перекатиться и увернуться от удара. Следующий замах в принципе мог стать результативным, но удар Тимура битой ему по голове отправил последнего вымогателя в нокаут.

«Вставай, отваливаем отсюда», – запыхавшись, проговорил Тимур.

Я кое-как поднялся и отряхнулся.

«Ну ты, Бродяга, черт!», – вытирая брызги крови с лица, продолжил Тимур.

«С какого это я черт? Тебе последние мозги вышибли?», – в недоумении переспросил я.

«Ты мог нормально зайти, а не как ниндзя?», – распалялся мой друг.

«Каким ху... м я мог нормально зайти? В три часа ночи, случайный прохожий, да еще и тут? Дааа... тебе видать хорошенько по голове приложили», – выпалил я, потирая отбитую спину.

«Да ладно, Бродяга, не бузи. Да заткнись ты!», – Тимур резко кинул взгляд на Сокола. Его тело бурно извивалось в столах. Подул ветер, неторопливо раскачивая фонарь. Я взглянул на свои руки. Обе по локоть в крови. Переведя взгляд на Тимура, я обратил внимание, что он жадно что-то ищет.

Подойдя к бите и взяв ее в руки, он радостно выдал: «Трофей.»

«Надо сваливать», – сказал я, – «нас много кто мог услышать.»

«Да, валим», – поддержал меня мой друг. И уже повернулся к выходу из переулка, как я остановил его.

«Нет, стой», – резко одёрнув его и подойдя к парнишке с противным голосом, я пошарил по его карманам. Сквозь стоны и девятиэтажный мат в мою сторону, донеслось: «Убери руки.»

Я хорошенько пнул его толи под рёбра, толи по печени, и запустил руку в карман. Старенькая нокиа оказалась в моих изодранных и окровавленных руках.

«С каких пор ты стал карманником?», – донёлся недоумённый голос Тимура из-за моей спины.

«Да не, подожди, – махнул рукой в сторону друга я, – Алло скорая? Хлебный переулок, поножовщина, пять человек», – сказал я. Голос в трубке прозвучал в ответ не разборчиво, но сквозь стоны лежащих на земле пацанов я смог расслышать «...назовите... свое имя... фамилию». «Василий Теркин, епта!», – выпалил я, и протерев трубку об футболку, выбросил ее.

«Ну сейчас-то сваливаем?», – в нетерпении басом прохрипел Тимур.

«Да, сейчас подожди» – подобрав свой окровавленный нож, я тоже вытер его об футболку рядом лежащего, уже не стонущего, раненого парнишки.

Наверное, в обмороке, предположил я.

«Я вас обоих урюю, – послышался справа от меня голос Сокола, бившегося в истерике, – вы слышите! Заживо закопаю!»

«Заткнись вошь!» – яростно прокричал Тимур.

Он подошел к Соколу и присел на корточки, так что голова сокола оказалась вверх ногами. Они оба смотрели глаза в глаза.

«Еще раз появитесь в этом районе – узнаю, найду и завалю», – его голос в притаившейся тиши ночного города звучал еще более серьезно.

Я понимал, что Тимур не шутит, да и не из шутников он был. Да и «инструменты» у нас у обоих тоже были.

«Ладно, вот щас валим», – сказал Тимур вставая. Смачно плюнув в лицо Соколу и хорошенько его пнув, от чего тот застонал еще громче, он взял свой отвоёванный трофей, и мы направились прочь из переулка. Позади нас остались крики, стоны и проклятья, вперемешку с матом в наш адрес. Мы вошли в темноту ночи, фонарь остался позади. Гомон побежденной толпы потихоньку сходил на нет. Мы молча прошли метров десять после поворота.

«Ну, Бродяга, ты даешь! Это ж надо додуматься, фонариком помигать, а если бы я не заметил, что б ты делал?», – с улыбкой выпалил Тимур.

«Да я хз, придумал что-нибудь», – улыбнувшись другу, спокойно ответил я.

Мы разразилась ярым смехом.

«Да... Ну ты красава, конечно, выстоял как мужик...», – подбодрил я своего друга. Не дав закончить мне фразу, Тимур остановился и закашлял кровью.

Изрядно выругавшись, при этом он прохрипел: «У меня походу рёбра поломаны».

«Ничего прорвемся, братан, Рамиль Исламович тебя подлечит», – я улыбнулся другу и, взяв его руку, закинул её себе на плечо.

Мы потихоньку побрели дальше. Вдалеке послышалась сирена скорой, по-моему, их было несколько, но оборачиваться я не стал.

«Как ты?», – поинтересовался я самочувствием друга.

«Нормально, Бродяга, нормально. Прорвемся. Знаешь, а я ведь знал, что именно ты придешь», – тихонько ответил мой друг.

«Почему?», – с интересом спросил я.

«Не знаю, братан, не знаю. Я не только тебе позвонить успел, но пришел только ты», – Тимур сплюнул кровь, обхватив меня покрепче, мы пошли дальше. Возвращаясь по той же дороге с фонарями и прогулками, мы потихоньку шли прихрамывая. Изредка переговариваясь.

«Помнишь случай у Дорстроевского моста с теми быками?», – немного нехотя начал я.

«Ну да, конечно, попробуй такое забыть. Бродяга, тебя тогда конкретно убивать приехали. А что ты просил? Блиииин... я понял! – ударив окровавленной рукой себя по лбу сказал Тимур, Ты получается мне долг вернуть...».

«Ага», – с радостной улыбкой выпалил я.

Тимур похлопал меня по плечу, и мы продолжили наше победное шествие под фонарями. Я не знаю, о чем в этот момент думал Тимур, да в общем-то я и не хотел спрашивать. Я как бы ненароком взглянул на его лицо и попытавшись его прочитать и понял, что, несмотря на все что с ним приключилось этой ночью, сейчас ему хорошо, и мне не хотелось прерывать его блаженную эйфорию. Идти нам еще далеко, фонари мелькали один за другим теперь уже по правую сторону. Снова на ум пришел тот самый случай с теми быками на мосту.

Долги и честь. Часть I

Вообще, деньги для каждого из нас тема очень щекотливая, тем более, когда дело касается дружбы. Зачастую многие просто не знают, как поступить, например, простить долг и дружить с этим безответственным и нечестным человеком дальше, или же поставить вопрос ребром, мол дружба дружной, а деньги отдельно, но как правило в таких ситуациях, дружба, если можно её так назвать, рассыпается как сухой осенний лист.

На дворе стояла холодная уральская зима. Зима в наших краях совсем не похожа на зиму московскую или питерскую, в общем, совсем не похожа на зиму, которая бывает в больших городах. У нас, как правило, всё – начиная от просторных площадей до небольших улочек и переулков заваливает толстым слоем снега, в котором при желании могла уместиться целая рота солдат спецназа верхом на бронетехнике. Наша зима временами похожа на суровую полярную метель, а временами похожа на ласковую и нежную зимушку из голливудских рождественских фильмов.

Как и в прошлые года, я решил готовиться и готовить ребят к зиме заранее. Из нашего небольшого общака я раздал ребятам равные суммы денег, себе взял столько же и мальчишками-зайчиками, безбилетниками-оборванцами мы поехали в областной центр за верхней зимней одеждой. Обычно нам отдавали одежду более старшие наши друзья, и мы были за это им были безумно благодарны, но в этот раз старших самих прижало, и им самим была нужна одежда, но поехать с нами они не могли. Большинство из них работали вахтовым методом, они просто сказали нам что купить, а мы были рады помочь. У одного куртка просто сгорела, при обогреве бензобака горелкой, – он времени от времени подрабатывал дальнобойщиком, у другого вся куртка была в дырках от пуль, плюс оторванный рукав, который нельзя было просто взять и заштопать. В общем, в этот раз старая добрая традиция передавать одежду от старших к младшим прервалась. Но благо в то время я уже позаботился о том, чтобы деньги от рэкета и грабежа шли в общак, тем самым нам стало немного легче справляться с нашим финансовым положением.

Повествование этой страницы из моей жизни начнётся с того, как мы с ребятами ехали в поезде за покупкой новых зимних вещей. Мы были большой, веселой и шумной компанией. Ехали почти все ребята из нашей банды. Я, Тимурик, Андрюха с Кубагушем, Марсик и Владян. Некоторые ребята помладше нас тоже в силу обстоятельств не смогли поехать с нами, но дали нам информацию о том какие вещи и какого размера им требовались. Поезд отправлялся с вокзала пол шестого утра, и чтобы успеть на поезд, мы решили даже не ложиться спать, а просто под утро взять, да и припереться на вокзал. Сказано сделано.

На перроне было очень холодно, утренний мороз резал щеки, как будто в нас летели мелкие осколки стекла. А порывистый ветер продувал наши куртки насквозь, погружая наши тела в судорожную, припадочную дрожь. На перроне все было белое от снега и пурги. На общем фоне только чернели рельсы. Из-за того, что глаза почти невозможно было открыть, вся картинка превращалась в одно сплошное белое пятно. Мы достаточно быстро сообразили, что лучше всего будет встать в полукруг спиной к пробирающему до костей ветру. Итак, минут пятнадцать как мы уже стояли на перроне, дорога ожидалась быть долгой, и чтобы не скучать, Кубагуш прихватил с собой гитару, Владян взял баллон пивка для согрева. Мы обычно пили Жигулевское – на пиво по солиднее у нас не хватало денег.

«Погода – гавно!», – сказал Кубагуш, пытаясь перекрыть ветер, передавая мне баллон пива.

«Гавно!», – подтвердил я и сделав большой глоток для согрева и передал её Владяну, стоявшему справа от меня.

Он в свою очередь не сразу взял в руки бутылку, а после того, как я помахал ей у него перед лицом, только тогда он отвлёкся от общения с кем-то через телефон. Я попытался краем глаза незаметно рассмотреть, что происходит на его экране, потому что Владян сроду ни с кем так упорно не переписывался, а тут вдруг начал, но какой там – из-за снега, летящего в глаза совсем ничего не увидишь.

«Б...я, как холодно!», – простучал зубами Марсик, обхватив обоими руками свою чёрную тоненькую ветровку.

Дело ещё осложнялось тем, что мы были в осенних курточках, кто-то в ветровке, под низ которых мы напялили все тёплые свитера, которые у нас были, но это было как мертвому припарка. Все равно мы заоченели от холода. Неспешно, как человек встающий рано утром с кровати и окунающий своё брэнное тело и сознание в говнище будничных проблем, из-за спины к нам подкатил поезд. Из-за шума ветра мы даже и не заметили, как он к нам подкрался, до того момента как он не издал чудовищный гудок прямо у нас за спиной. Мы все разом вздрогнули, Кубагуш поперхнулся пивом. С нашей стороны в адрес машиниста посыпался отборный девятиэтажный русский фольклор народного творчества.

Народу в вагоне было не много – мы ехали очень рано – с первой электричкой. Колеса стучали в такт матерной песни, которую Кубагуш напевал со мной в пол голоса, все весело подпевали нам, и только Владян уткнулся в свой старый сотовый, который выглядел так, как будто он с ним войну прошёл и усердно переписывался с кем-то. Я особо не лез к ребятам с расспросами про личное, хотя в общем-то никто ничего не скрывал, все мы были как одна семья. Если кто-то из них не рассказывает про что-то – значит на это есть весомые причины. Мы сидели на самом первом месте в вагоне, то есть как зашёл в вагон и сразу направо. Отвлёкшись на секунду от матерных песен, я обернулся через плечо и осмотрел пассажиров в вагоне. В вагоне было не много народу: через несколько сидений от нас сидели две женщины, склонив головы друг к другу и крепко спали, на противоположной от них стороне сидела молодая парочка и смотрела какой-то фильм на дорожном смартфоне.

«Мажоры!», – недовольно буркнул я, не скрывая отвращения.

Мои друзья отвлеклись от своих дел и устремили свой взор на парнишку с девчонкой, Кубагуш прекратил играть на гитаре.

«Бродяга, может мы их это самое... Того?», – с энтузиазмом, авантюристской улыбкой на лице и горящими глазами предложил Андрюха.

Все остальные, согнувшись, нависли над проёмом между сиденьями электрички. Ещё раз обернувшись и оглядев вначале эту парочку, затем обстановку в вагоне в целом, я тоже склонился.

«Нет. Не за этим мы здесь», – твёрдо ответил я.

«Ууугу...», – расстроено прогудел Андрюха с кислой миной будто лимон проглотил.

«Вспомни случай с Никитой. Не нужно повторять его ошибок», – я решил напомнить ему и ребятам про один не очень приятный случай, который произошёл с нами в прошлом.

Никита был нашим другом, товарищем, который один раз нас очень сильно подставил. И я лично хотел его закопать, но потом пацаны меня переубедили. Дело было так. Почти так же как сейчас мы ехали в такой же электричке, той же компанией, но с нами был ещё и Никита. По соседству от нас ехала какая-то расфуфыренная девица гламурной наружности и ярко светила направо и налево последней моделью яблочного телефона. Я так же, как и в этот раз запретил пацанам даже приближаться к ней, потому что совершать грабеж среди бела дня, да ещё и при свидетелях – это вверх глупости. Но с нами был такой персонаж как Никита, который под предлогом выйти в туалет, хорошенько отоварил эту фифу. После этого, придя к нам, с невинным видом утверждал, что не слышал никаких криков и воплей из тамбура. Но так уж получилось, что и мы тоже не лыком шиты. Мы сразу выкупили что к чему – то, что он нам набрехал с три короба. По итогу, нам пришлось выйти на следующей станции, чтобы нас не замели.

Затем, сказав ребятам, чтобы они не встречали, я набросился на его и сломал ему нос, руку и отбив напрочь обе почки, сказал больше не приближаться к нам. Жалею ли я о содеянном? Нисколько. Было ли это жестоко? Нисколько. Он не подчинился прямому и понятному приказу с моей стороны. Больше в нашей компании он не появлялся и у нас на районе тоже. Только Владян изредка поддерживал с ним связь из-за того, что его сестра дружила с сестрой Никиты.

«С кем ты там всё переписываешься? Невест, поди, клеишь?», – с улыбкой спросил я, повернувшись к Валдяну и пытаюсь как-то разбавить неловкую тишину.

«Как раз с ним и общаюсь», – немного робко ответил Владян.

«Ох, ты ж бл... ь! И что?», – выпалил я, начиная закипать от неприятных воспоминаний.

Все разговоры и голдёшь пацанов резко стихли. Все внимание сразу же переключалось на нас обоих – начинало пахнуть жареным.

«Он просто денег у меня занял», – со стыдом сказал Владян, потупив взгляд в пол вагона.

«Что? Ты что со своим хуем мозгами поменялся? И ты ему дал? Сколько?», – с уже почти в ярости выпалил я.

«Сто штук», – потупив глаза вниз, с дикой обидой в голосе ответил Владян.

«Еб... ть-копать! Откуда у тебя сто касарей?», – ошарашено выпалил я. На лицах ребят нарисовалась такое же выражение на лицах.

«Наследство. Я Никиту найти нигде не могу. На сообщения он перестал отвечать, дома его нет, его сестра тоже не знает. Она меня убедила ему дать», – теперь уже Владян отвечал почти шёпотом, угнетённый ситуацией и моим напором.

«И отдавать он не собирается? Ну и лошара ты, Владян! Зае... ись, просто! Красава, Владян! Не ожидал я от тебя такого», – откидываясь на спинку кресла, выдал я всё, что во мне кипело.

Главное нам не рассказывал про наследство, а сам уже успел его в долг дать почти было сказал я, но удержался. Конечно, его можно было понять, деньги как никак не общие, а его. И только он в праве распоряжаться кому их давать и давать ли. Но всё-таки как можно было дать деньги этому лоботомированной обезьяне? Гнев закипал во мне с дикой скоростью. Сжимая в ярости кулаки так, что кончики ногтей впивались в ладони, я еле сдерживался чтобы не вломить ему прямо в поезде. Ребята пристально и настороженно следили за нашей перепалкой, ожидая разрешения конфликта. Потом Тимурик с Кубагушем начали успокаивать меня мол ну ладно с кем не бывает, потом к ним подключились и все остальные, но моя многозначительно поднятая рука заставила их всех замолкнуть в тоже мгновение. Я пододвинулся вплотную к собеседнику.

«Ты же понимаешь, что теперь мне этого му... озвона искать придётся», – поучительная беседа продолжалась.

«Да я сам все решу!», – от безысходности выпалил Владян.

«А вот них... я ты не решишь. Если такие долги не отдают, то это уже все – баста. А когда слухи поползут, что одному из „наших“ долги не отдадут то всей нашей банде конец ты, понимаешь это. Что за крышу тоже никто платить не будет. Ты понимаешь это! Сейчас не только ты в дерьме, ты ещё и всех нас с головой макнул в него. Если нам перестанут платить с рэкета, то жить мы на что будем? Авторитет зарабатывается годами, а просрать его можно за секунды, понимаешь ты это, дурья твоя башка! Теперь нам его искать придётся. Ладно, закончим этот разговор. Толку от него сейчас не много», – в ответ на это Владян униженно и оскорбленно потупил голову вниз.

Долги и честь. Часть II

«Бродяга, нашли его. Я сейчас заеду за тобой, я тут уже не далеко», – раздался голос Владяна в телефонную трубку.

Его голос отнюдь не развеял остатки дремы, в которой я находился. Я ничего не стал отвечать, просто положил трубку. С момента нашей поездки прошло два с лишним месяца. Мы искали Никиту, разъезжая по области, возрождая старые связи и создавая новые. Но в какой-то момент я заехал к дядьке, как мне тогда казалось на пару дней, но меня поглотило какое-то непонятное состояние. Три бессонные ночи давали о себе знать. Бессонница и постоянно сменяющиеся кошмары, разговоры с самим собой не давали мне покоя ни ночью ни днём, нервы так подавно уже давно начали сдавать. А это все было совсем не к добру. Когда нервы сдают человек становится непредсказуемый, нервный. С уверенностью могу сказать, что я как раз из тех людей, которые очень долго закипают, но когда вулкан взрывается, то под горячую руку попадают все без разбора.

«Бл...ть! Пристрелите меня кто-нибудь!», – истошно проорал я на всю комнату, будто меня в этот момент кто-то ножом резал.

Продолжая сидеть в кресле, в котором уснул только под утро и проспав только полтора часа, я взял лежащую на столе пачку Мальборо и трясущимися руками стал доставать желанную сигарету. Х...й его знает почему они у меня тряслись: когда переживаю о чем-то, то трясутся, если все нормально, то нет. Странная она эта трясучка, я бы даже сказал предательская, – когда я убивал или резал людей они не тряслись. А вот когда на душе ху..во, они предательски трясутся. Стеклянным взглядом смотрел я на самого себя, отражающегося в зеркале расположенного на задней стенке шифоньера, в котором по идее должен был стоять чайный сервиз: чашки блюдца и прочие милые прелести домашних, уютных семейных посиделок. Но их там отродясь никогда не было. Там вообще ничего не было. Мой дядька жёстко сказал тете, что мешанства в его доме не будет. Не...р пить из старых, вонючих, потертых чашек и кружек, когда в шифоньере, который год, простаивают без дела нормальные. Я смотрел и смотрел на своё отражение, все глубже всматриваясь в болезненный цвет лица, в рубцы от старых и новых шрамов, в странные красные пятна от сыпи, которыми уже успело покрыться почти все мое тело, в чёрные круги под глазами от бессонных ночей. И в отражении с видел измученного и больного загнанного в угол монстра, которому волею судьбы приходится каждый день засовывать в задницу чувство доброты, жалости и сострадания к окружающим людям, взамен выпячивая всему миру жестокость, беспринципность и агрессию, для того чтобы бороться за место под солнцем. Чудовище в отражении, будучи в столь юном возрасте, уже успело нарушить почти все смертные грехи и в моей жизни пути искупления нет и никогда не будет. Всё глубже и глубже я тону в озере жестокости, при этом не ожидая, что на его дне меня ждёт спасательный круг искупления, который вытащит меня на поверхность и все грехи будут отпущены и прегрешения смыты. Облокотившись на спинку, я кое-как встал с кресла и потушил очередную сигарету. Курить доводится редко и только тогда, когда совсем хреново на душе. Но последнюю неделю руки не выпускали пачку сигарет. Пачка за пачкой, пачка за пачкой. Блуждая в лабиринтах сигаретного дыма, меня мучали вопросы: в кого же я превращаюсь или может быть уже превратился и есть ли возможность изменить свою предначертанную судьбу? Я ещё молод, а у руки, которые по локоть в крови уже никогда не отмыть. Я безжалостное чудовище, чертов мясник, убийца, вор, бандит, основатель одной из самых дерзких, сплочённых и кровавых группировок нашей области со времён девяностых. А теперь ко всем этим титулам добавляется ещё и психопат. Эти вопросы не давали мне покоя ни ночью ни днём. И это ещё больше сводило меня с ума. И вся проблема в том, что внутри меня уже был ответ на этот вопрос, просто его принятие требовало не малого количества времени. А ответ был

очень простой: мне суждено воровать, грабить, убивать. И никак иначе. Кто-то рождается для того чтобы сделать какое-то научное открытие, кто-то для написания шедевра на холсте. А кто-то, как я, просто пытается выжить в жестоком мире, и для этого ему нужно быть ещё жёстче, чем сам мир. Чтобы остаться на плаву, мне нужно было стать сильнее. А для этого мне требовалось избавиться ото всех эмоций – только жестокий холодный расчёт. Нужно ещё жёстче драться, ещё жестче прессовать, ещё жёстче добиваться своего места под солнцем. Да, именно так и на полное принятие этой поганой и ненавистной судьбы нужно время.

Пора было собираться, ребята нашли Никиту, а значит нам всем предстоял не простой разговор. Я вышел на улицу и сел на крыльцо дядькиного дома – к себе домой мне путь был снова заказан. Было морозное субботнее зимнее утро, пар из моего рта разливался как река Волга в паводок из берегов. Белый и почти осязаемый на ощупь. Даже судорога, передернувшая тело, мурашки и вздыбившиеся на руках от мороза волосы не заставили меня вернуться в дом и переодеться из спортивных штанов и футболки во что-то по теплее. Но, так или иначе, погода была приятная: ветра не было – был полный штиль, что не могло не радовать. Но как бы то ни было, в то время это не сколько радовало, сколько порождало мысль, что если я сегодня умру или меня убьют, то помирать мне при хорошей погоде. В общем, таким реалистичным настроением я встретил Владяна, когда он переступил порог железных ворот. Я ничего ему не стал говорить в знак приветствия, а просто кивнул. Он знал, что я уже почти месяц не выхожу из дома и веду жизнь аскетичного затворника и сейчас затевать разговоры со мной не лучшая идея. Вернувшись босиком по белому снегу обратно в дом и одевшись по погоде, мы наконец тронулись. Немного пробуксовывая в зимнем снегу, машина, наконец, стронулась с места и через несколько минут серая крыша дядькиного дома отражалась в зеркале заднего вида. Зима в этом году выдалась на славу! Всё кругом белое, наверное, даже ворону не заметишь. Стоило свернуть с утоптанной людьми тропки, так сразу чуть ли не по пояс проваливаешься в затягивающую пучину белого снега. А машинам вообще не сладко приходится – дороги во дворах понятное дело никто них... а не чистит, поэтому и дня не проходит без того, чтобы не вытаскивать железного коня какого-нибудь мужичка из снежного плена. А мы в свою очередь уже через пару минут во всю прыть неслись по пересечённой местности, направляясь в старый полуразвалившийся охотничий домик в нескольких десятках километров от города. Это был простой одинокий, весь прогнивший домик, похожий на огромный, уродливый скворечник, по середине леса, крики, стоны, вопли из которого никто не услышит – идеальная пыточная, сродни казематам средневековой инквизиции. В общем даже на Владяновой развальной ехать было не долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.